

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-158-168>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)52

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. И. С. Юхнова
г. Нижний Новгород, Россия

© 2022 г. С. Н. Пяткин
г. Арзамас, Россия

СТИХОТВОРЕНИЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «ПАРУС» В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Аннотация: Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Парус» относится к эмблематическим текстам русской культуры и отличается высокой опознаваемостью. Образ, созданный в нем Лермонтовым, всегда воспринимался как емкий символ, а его интерпретации были обусловлены «духом» исторической эпохи. Это свойство лермонтовского «Паруса» и определяет актуальность предлагаемого исследования. Научная новизна работы заключается в систематизации, анализе и концептуализации социокультурных рецепций стихотворения поэта в национальной традиции. В статье дается история создания стихотворения, обращается внимание на его биографический контекст и предлагаются версии отказа поэта включить «Парус» в единственный прижизненный сборник своих произведений. При рассмотрении первых критических рецепций «Паруса» особо оговаривается позиция В. Г. Белинского, воспринявшего лермонтовское стихотворение как типично юношеское, ученическое сочинение поэта. Отмечается, что вопреки мнению авторитетного критика «Парус» вошел в программы гимназий, популярные учебные хрестоматии и обрел статус лирического шедевра в поэзии Лермонтова и канонического текста русской культуры. Авторы статьи полагают, что закрепление такого статуса «Паруса» в национальном культурном сознании обусловлено сложной внутренней структурой центрального образа-символа, в котором обнаруживают себя многомысленные связи плана изображения и медитативного плана, раскрывающие антиномичность духовного мира личности. При обращении к опыту научных прочтений стихотворения Лермонтова авторы статьи отмечают, что в исследовательской практике «Парус» чаще всего трактуется как выражение «свободолюбивых» революционных, в том числе декабристских, настроений. В научных работах последних лет стихотворение поэта включается в контекст христианской традиции. Обобщается и анализируется в статье творческий опыт художественной репрезентации лермонтовского образа-символа в национальной поэзии на примерах произведений К. Фофанова, С. Есенина и В. Высоцкого. Утверждается, что при всех различиях в прочтениях, трактовках, интерпретациях «Парус» Лермонтова в русском культурном сознании стал символом порывистого

и неостановимого движения, стремления самоценной личности к резким, крутым переменам в собственной судьбе и окружающем мире. Именно этот смысловой план, что подтверждает высказывание председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина, характерен для восприятия лермонтовского стихотворения иностранными читателями, а парус как знаковый образ русской культуры актуален и для иной национальной традиции.

Ключевые слова: Лермонтов, «Парус», «Белеет парус одинокий», русская культура, канонический текст, традиция, рецепция.

Информация об авторах:

Ирина Сергеевна Юхнова — доктор филологических наук, профессор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, пр. Гагарина, д. 23, 603950 г. Нижний Новгород, Россия.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2835-3070>

E-mail: yuhnova@yandex.ru

Сергей Николаевич Пяткин — доктор филологических наук, профессор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Арзамасский филиал), ул. Карла Маркса, д. 36, 607220 г. Арзамас, Нижегородская обл., Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8659-7543>

E-mail: nikolas_pyat@mail.ru

Дата поступления статьи: 07.04.2020

Дата одобрения рецензентами: 10.06.2020

Дата публикации: 28.09.2022

Для цитирования: Юхнова И. С., Пяткин С. Н. Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Парус» в русской культуре // Вестник славянских культур. 2022. Т. 65. С. 158–168.
<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-158-168>

Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Парус» — одно из самых известных творений поэта — относится к эмблематическим текстам русской культуры, т. е. к таким произведениям, которые через некий образ или словесную формулу выразили важные для русского национального сознания смыслы, аксиологически значимую идею.

Однако история этого стихотворения свидетельствует, что Лермонтов не придавал ему такого значения, которое оно получило у читательской аудитории в процессе бытования. Более того, он даже не включил его в единственный прижизненный сборник своих стихотворений, который вышел в октябре 1840 г. Как известно, поэт крайне тщательно отбирал для него свои произведения, и в издание вошли только 26 стихотворений и 2 поэмы; из ранней лирики туда попала одна «Русалка». Возможно, для Лермонтова «Парус» был всего лишь юношеской пробой пера, «стихотворением на случай», едва ли не литературным экспромтом, что и побудило поэта отказаться от публикации этого стихотворения.

Впервые «Парус» появляется в письме к М. А. Лопухиной от 2 сентября 1832 г.: «Я поставил себе целью засыпать вас своими письмами и стихами; это не очень по-дружески и даже не человеколюбиво, но каждый должен следовать своему предназначению. Вот еще стихи, которые я сочинил на берегу моря...» [11, с. 553 <подл. на фр. яз.>]. Далее следовал текст нового стихотворения. Обстоятельства его появления и личность адресата, которому оно «доверено» (М. А. Лопухина — одна из самых глубоких сердечных привязанностей поэта), дают основание предполагать, что стихотворение

фиксирует ощущение внутренней неопределенности, которая возникает на жизненном перепутье Лермонтова. Его судьба резко меняется: теперь не Москва и университет, а Петербург и школа гвардейских подпрапорщиков; теперь не лекции профессоров, а команды офицеров; не жизнь в доме на Молчановке с любимой бабушкой, а казарма. Вот эта неизвестность и выражается в той пространственной многомерности, которая появляется в стихотворении. Белеющий вдали парус — это проекция на внутреннее состояние лирического героя, а вопросы — попытка словесно оформить то, что тревожит и мучит поэта.

Стихотворение возникло, по свидетельству самого Лермонтова, «на берегу моря», во время его первых учений, которые проходили в Царском Селе. Есть даже более точная локация — у дворца Монплеизр. Там действительно открываются невероятные морские просторы. И это состояние собственной замкнутости на фоне морской беспредельности как раз и рождает внутренний порыв к движению, действию.

И еще на один момент необходимо обратить внимание: в этом произведении, хотя и на периферии, ощутимо пророчески-провидческое понимание своей будущей судьбы как судьбы скитальца. Мотив этот у Лермонтова не нов. В стихотворении «1831 июня 11 дня», например, есть предвидение, которое поражает всех, читающих этот юношеский текст: «Я предузнал мой жребий, мой конец, // И грусти ранняя на мне печать; // И как я мучусь, знает лишь творец; // Но равнодушный мир не должен знать. // И не забыт умру я. Смерть моя // Ужасна будет; чуждые края // Ей удивятся, а в родной стране // Все проклянут и память обо мне» [11, с. 192]. Кстати сказать, именно в этом произведении у Лермонтова возникает сам образ паруса («...облака с лазурью воли, // И белый парус, и бегучий челн») как один из символов, характеризующий мятежный внутренний мир поэта.

Кажется очевидным, что стихотворение «Парус» имело глубоко личный подтекст и выразило то настроение, в котором Лермонтов пребывал в первые месяцы своей петербургской жизни. Оно передало и его первые впечатления от встречи с морем. Может, в силу такой биографичности поэт и не осознавал того смыслового потенциала, который заключался в произведении.

Широкая публика смогла впервые прочитать «Парус» в т. XVIII (№ 10) журнала «Отечественные записки» за 1841 г.; затем оно было включено во второе издание стихотворений Лермонтова, которое вышло в свет в 1842 г. и было отмечено В. Г. Белинским, причем в характерном контексте. Критик оценивает издание стихотворений поэта, трагически покинувшего мир, а потому ставит вопрос о необходимости целостного восприятия творчества Лермонтова. Он так и пишет: «...неожиданная и преждевременная смерть поэта дала совсем другой оборот делу, и издатели его стихотворений не должны были, скажем более, не имели права не собрать и не сделать известным публике всего написанного Лермонтовым, всего, что только могли они отыскать. Они заслуживают благодарность со стороны публики, что поместили в изданное ими собрание стихотворений Лермонтова и такие пьесы, как: *Хаджи Абрек*, *Казначейша*, *Сосна*, *Парус*, *Желание*, *Графине Растопчиной*, *Ангел*, *М. П. Соломирской*, *В альбом автору «Курдюковой»*, *Два Великана*, *Ты помнишь ли, как мы с тобою*, и драму *Маскарад*; **сам поэт никогда бы не напечатал их** (выделено нами. — И. Ю., С. П.), но они, тем не менее, драгоценны для почитателей его таланта, ибо он и на них не мог не наложить печати своего духа, и в них нельзя не увидеть его мощного, крепкого таланта: так везде видны следы льва, где бы ни прошел он» [1, с. 212]. Как следует из этого высказывания, Белинский не увидел в «Парусе» ничего самобытного и уникального. В его восприятии это типичное юношеское произведение, не выбивающееся из ряда ученических сочинений поэта.

Однако после этих публикаций «Парус» почти сразу же вошел в программы гимназий, учебные хрестоматии (в частности, стихотворение было включено в хрестоматию Галахова, самую издаваемую и распространенную в России) и, по сути, обрело статус канонического текста в поэзии Лермонтова. Известно признание Н. А. Некрасова о том, что в юности «Белеет парус одинокий...» было его любимым стихотворением (об этом он писал в своем дневнике 16 июня 1877 г.). Как замечает И. А. Битюгова, Некрасова «особенно привлекали мятежность, неуспокоенность в сочетании с идеалом высокой “гармонии”, “грация скорби”» [2, с. 338–339].

Сохранилось воспоминание студентов Московского университета о том, что «Парус» был «любимым стихотворением из всей мировой литературы» их уважаемого профессора — философа Г. Г. Шпета. Примечательно, что признание Шпета поразило студентов, так как «Парус», включенный в программу младших классов гимназий, они воспринимали как «детское» стихотворение. В связи с этим уместно вспомнить, что герой повести В. Катаева «Белеет парус одинокий» Петя Бачей читает это стихотворение на вступительных испытаниях в гимназию, а строчки лермонтовского произведения не раз возникают в его сознании, когда он видит море.

Таким образом, в массовом восприятии «Парус» однозначно является одним из шедевров лермонтовской лирики, художественная ценность которого не требует доказательств. Подтверждением тому является, например, такой пассаж Г. А. Мейера в статье «Фаталист. К 150-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова»: «И скоро минет сто лет, как недобросовестные и невежественные люди, пользуясь расточительностью поэта, помещают рядом с “Ангелом” и “Парусом” его беспомощные ученические опыты...» [14, с. 885]. То есть «Парус» для Мейера — это эталонный лермонтовский текст. А само правило издавать в том числе и юношеские стихотворения Лермонтова наряду с его шедеврами он воспринимает как глубоко неверное, порочное. Критик сетует, что «с Лермонтова, или точнее — с посмертных изданий его сочинений, начался у нас резкий упадок стихотворной культуры» [14, с. 886], потому что последующая русская лирика выросла на образцах незрелых лермонтовских стихотворений, так как «стихи Лермонтова, по преимуществу самые слабые, приобрели всероссийскую популярность» [14, с. 886]. Нельзя не заметить, что Г. А. Мейер опосредованно вступает в полемику с В. Г. Белинским о том, стоит ли делать достоянием для широкой публики незрелые опыты поэтов.

Какие особенности «Паруса» повлияли на то, что он так прочно вошел в разряд самых известных и любимых произведений русской культуры? Во-первых, простота, лаконичность, яркость образа. Даже если человек ни разу не видел моря, его образ мгновенно возникает в его воображении именно в лермонтовском варианте, а при реальной встрече с морем каждый в его беспредельности стремится увидеть парус. Во-вторых, влияет и тот факт, что в стихотворении возникает не просто картинка (план изображения), но и рефлексия, которая обнаруживает сложность как внутреннего мира того, кто слился с беспредельностью морской стихии, так и отношений человека с бытием в целом (медитативный план). К тому времени, когда появилось лермонтовское стихотворение, в русской литературе сформировалось восприятие моря как емкого образа жизненной стихии. В этот общекультурный контекст сразу же и оказался включенным «Парус».

Кроме того, это стихотворение стало рубежным и с точки зрения поиска Лермонтовым новых художественных форм. По сути, оно показывало, по какому пути пойдет эволюция Лермонтова-лирика. Как заметил В. Э. Вацууро, «1832–1834 годы проводит

в стенах Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Малопродуктивные в творческом отношении, эти годы были важны, однако, для внутренней эволюции Лермонтова; уже к 1832 г. “лирическое неистовство” двух предшествующих лет идет на спад и начинается постепенное возвращение к лиро-эпическим формам, но уже на новой основе. Стихи 1832 г. — уже не лирический дневник; объективное начало в них опосредованно, а круг жизненных впечатлений и образных средств шире. “Парус” написан именно в 1832 г. . . .» [3, с. 363]. А. И. Журавлева указывает еще на одно важное художественное открытие Лермонтова в этом стихотворении — аллегоричность в нем «преобразена в символику» [5, с. 38]. Строение этого образа-символа неоднократно привлекало внимание исследователей лермонтовской поэзии; ограничимся лишь одним лаконичным пояснением, принадлежащим Э. Э. Найдичу: «Сравнение превратилось в символ, отражающий духовный мир. И этот символ стал не просто знаком, не просто удачным выражением какого-то качества или свойства личности, настроения, а образом развертывающимся, вобравшим само движение мысли, “диалектику души”» [16, с. 129].

Любопытно, как менялась трактовка этого образа-символа в отечественном литературоведении.

Чаще всего в «Парусе» находили выражение свободолюбивых революционных настроений, при этом акцент делали на образе бури, которая воспринималась как бунт, протест против тирании и несвободы, а «парус» ассоциировался с бунтарем-революционером, который идет против обстоятельств, стремится изменить мир. В этом отношении стихотворение воспринималось как текст-предшественник «Песни о буревестнике» М. Горького [15].

Прочитывался в стихотворении и декабристский пафос, так как его первая строка «совпадает со стихом 19 строфы XV главы I поэмы А. А. Бестужева-Марлинского “Андрей, князь Переяславский”. Первая глава этой поэмы вышла отдельным изданием (анонимно) в Москве в 1828 году, а в 1832 году стало известно имя автора» [4, с. 323–324]. Именно поэтому В. М. Маркович рассматривал стихотворение как политический выпад, так как цитата намекала на поэта-декабриста и тем самым напоминала о восстании 1825 г. [13]. Однако сам Лермонтов вряд ли считал эту строку «чужой», тем более и родилась она у него не сразу (первоначально она звучала как «Белеет парус одиночный»).

В настоящее время намечается новое понимание лермонтовского образа — его включают в контекст христианской традиции. Такое прочтение осуществила И. А. Киселева. Она указала, что стихотворение «обладает характерной для романтизма религиозно-мистической аурой» [7, с. 40] и рассмотрела его ключевые образы в аспекте христианской символики (в частности, образ церкви-корабля, что позволило воспринять плавание на корабле как «метафору богопознания» [7, с. 41]). Подобный ракурс восприятия «Паруса» сделал закономерным следующий вывод: «...М. Ю. Лермонтов интуитивно подошел к идее о том, что свобода и покой — неразрывные сочетания. Буря — это тоже вариант проявления свободы, так как она есть образ свободы в этом мире, а в духовном опыте религиозной культуры символизирует пограничную черту, соединяющую мир земной и мир небесный. <...> Пейзажное стихотворение М. Ю. Лермонтова “Парус” и являет собой свидетельство реальности духовного мира, и открывает вдумчивому читателю живую жизнь бессмертной человеческой души» [6, с. 123–124].

Не менее примечателен и творческий опыт художественной репрезентации лермонтовского образа-символа в национальной поэзии. Показательной для своего времени — рубежа XIX–XX вв. — видится вариация «Паруса», осуществленная К. Фофа-

новым в стихотворении «Я сказки медленней пишу...» (1893), где актуализирован мотив всепоглощающего одиночества личности. Подробный анализ этого стихотворения принадлежит Т. В. Ковалевой и М. Ю. Мишиной, которые пришли к такому выводу: «Если мятежность у Лермонтова имеет целью обретение внутренней свободы, жажду активной, деятельной жизни, то основные характеристики героя К. М. Фофанова разочарованность, усталость, подавленность. Его страдания носят ярко выраженный личностный характер: сосредоточенность на себе полностью исключает интерес к миру» [8, с. 189].

Образ паруса «неоднократно привлекал есенинское творческое воображение» [19, с. 132]. В. А. Сухов проследил, как интерпретировал поэт лермонтовский образ, и пришел к выводу, что он появлялся у Есенина в периоды кризисные, когда происходило переосмысление прежних идей и ценностей. Лермонтовский парус стал литературным источником и «основой для образотворчества» [19, с. 136] трех произведений Есенина: «Кобыльи корабли» (1919), «Исповедь хулигана» (1920), «Пугачев» (1921). В «Кобыльях кораблях» поэт реализовал главный композиционный принцип лермонтовского стихотворения — построил поэму на антиномиях, использовал близкую смысловую рифму «лазурь – бурь» и создал «своего рода метафору-антипод лермонтовскому образу-символу паруса» [19, с. 133]. Образ паруса («Я хочу быть желтым парусом...») появляется и в «Исповеди хулигана», но наполняется в ней иным содержанием, более близким первоисточнику: здесь определенно значим мотив одиночества, бунтарства, а сам «желтый парус» ассоциируется с образом ветра. Однако особую смысловую роль образ паруса получает в поэме «Пугачев». Он становится сквозным, так как «встречается пять раз в окончательном варианте текста и два раза в отрывке, который Есенин исключил из него» [19, с. 134], связан с главным героем поэмы и становится символом крестьянского восстания.

В качестве своеобразной вариации лермонтовского шедевра в отечественной литературе второй половины XX в. стоит воспринимать, на наш взгляд, и широко известное произведение В. С. Высоцкого «Парус» (1966). В существующих исследовательских практиках лермонтовское начало этого песенного текста, как правило, не отмечается [10]. В то же время тождество в названиях лирических произведений само по себе служит знаком творческого диалога новейшего поэта с предшественником. К тому же здесь в равной мере стоит учитывать и эмблематический характер классического произведения для русской культуры, и диалогизм поэзии Высоцкого как важное системообразующее свойство его художественного сознания.

Своим «Парусом» Высоцкий чаще всего завершал выступление перед аудиторией, предворяя исполнение песни пояснением к ней. Называя «Парус» «абстрактной песней», не обладающей сюжетом, Высоцкий имел обыкновение подчеркивать, что «это песня беспокойства» (кстати сказать, название «Песня беспокойства» служит подзаголовком «Паруса») [10, с. 108]. И в этой ценностно-смысловой ипостаси, определяемой самим автором, текст Высоцкого, как нам видится, непосредственно обращен к заключительной строке лермонтовского стихотворения: «Как будто в бурях есть покой».

Изображенный мир *нового* «Паруса», представляющий собой «сюрреалистический коллаж» [9, с. 172], становится прямым следствием ворвавшейся в бытие героя канонического «Паруса» желанной, просимой им бури. Только в роли этого героя выступает поэт иного времени и иной судьбы, остро переживающий случившееся катастрофическое «беспокойство», кардинально изменившее картину мира, эпицентром которого является теперь образ *порванного* паруса.

В «Лермонтовской энциклопедии» отмечается, что для «Паруса» «характерна резко подчеркнутая система контрастов, одновременных отождествлений и противопоставлений, их принципиальная смысловая однозначность, между которыми находится и от которых равно отталкивается субъект лирического высказывания... “Буря” и “покой”, “далекая страна” и “родной край”, движение к чему-то и от чего-то, обретения и потери — вот неполный перечень антиномий “Паруса”, — “половинок” навсегда потерянного гармонического целого» [12, с. 366].

У Высоцкого этой подчеркнутой системы контрастов нет. Все образные фрагменты текста-коллажа имеют пейоративное значение, последовательно нагнетая чувство апокалиптической предрешенности мира («Каюсь, каюсь, каюсь...»), который «уходит из-под ног, рушится», а «прежние ценности и схемы отношений человека и мира не работают» [17, с. 37].

Финальная же строка основного текста «Паруса» Высоцкого («Только все это — не по мне!»), заключающая отрицание такого миропорядка, свидетельствует о стремлении героя стихотворения обрести не просто иное состояние бытия, а исходную точку в нем, которая в символическом плане может быть обозначена только образом *целого* паруса. Иначе говоря, финал песни Высоцкого возвращает нас к начальной строке лермонтовского «Паруса». И в этой перспективе текст Высоцкого одновременно воспринимается и как продолжение лермонтовского стихотворения, и как его завершение.

В целом же, при всех различиях в прочтениях, трактовках, интерпретациях «Парус» Лермонтова в русском культурном сознании стал символом порывистого и неостановимого движения, стремления самоценной личности к резким, крутым переменам в собственной судьбе и окружающем мире. Именно этот смысловой план характерен для восприятия лермонтовского стихотворения иностранными читателями. В этом отношении показательно, как определил идейное содержание «Паруса» председатель Китайской Народной Республики Си Цзиньпин, указав, что Лермонтов в стихотворении «повествует о твердой воле и упорной борьбе» [18]. Полагаем, что такое понимание в большей мере отражает суть китайского национального характера, чем смысл лермонтовского шедевра. Но этот пример — яркая иллюстрация того, что знаковый образ русской культуры значителен и значим и для иной национальной традиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Белинский В. Г.* Стихотворения М. Лермонтова // *Белинский В. Г.* М. Ю. Лермонтов: Статьи и рецензии. Л.: ОГИЗ: ГИХЛ, 1941. С. 211–214.
- 2 *Битюгова И. А.* Некрасов // *Лермонтовская энциклопедия*. М.: Сов. энциклопедия, 1981. С. 338–339.
- 3 *Вацуро В. Э.* Лермонтов // *История всемирной литературы*: в 9 т. М.: Наука, 1989. Т. 6. С. 360–369.
- 4 *Голованова Т. П., Лапкина Г. А., Михайлова А. Н.* Примечания // *Лермонтов М. Ю.* Сочинения: в 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 1. С. 323–324.
- 5 *Журавлева А. И., Турбин В. Н.* Творчество М. Ю. Лермонтова. М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1967. 44 с.
- 6 *Киселева И. А.* Принцип и смысл обратной перспективы в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Парус» (1832) // *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: Русская филология. 2016. № 4. С. 120–126.
- 7 *Киселева И. А.* Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Парус»: поэзия духовной перспективы // *Литературоведческий журнал*. 2005. № 20. С. 40–48.

- 8 Ковалева Т. В., Мишина М. Ю. Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Парус» и интерпретация его мотивов в лирике К. М. Фофанова // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 4 (48). С. 184–191.
- 9 Кончуков Е. Приближение к Высоцкому. М.: Культура, 1997. 368 с.
- 10 Крылов А. Е., Кулагин А. В. Высоцкий как энциклопедия советской жизни: Комментарии к песням поэта. 2-е изд., испр. и доп. М.: Булат, 2010. 384 с.
- 11 Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: в 4 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 1. 1958. 755 с. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 4. 826 с.
- 12 Маранцман В. Г., Гиришман М. М. «Парус» // Лермонтовская энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1981. С. 366–367.
- 13 Маркович В. М. Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Парус» // Анализ одного стихотворения. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина, 1985. С. 122–132.
- 14 Мейер Г. А. Фаталист (К 150-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова) // М. Ю. Лермонтов: pro et contra. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного ин-та, 2002. С. 884–899.
- 15 Михайлова Е. Н. Идея личности у Лермонтова и особенности ее художественного воплощения // Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова: Исследования и материалы: сб. первый. М.: ОГИЗ; ГИХЛ, 1941. С. 125–162.
- 16 Найдич Э. Э. М. Лермонтов. Парус // Поэтический строй русской лирики. М.: Наука, 1973. С. 122–134.
- 17 Перепелкин М. А. Формула «беспокойства». Структура «бесфабульной» песни В. Высоцкого «Парус» // Вестник Самарского государственного университета. 2007. № 5/2 (55). С. 30–37.
- 18 Поэзия большой политики: Россию и Китай сблизил «Парус» Лермонтова // Царьград. URL: https://nn.tsarograd.tv/news/politika-bolshoj-pojezii-rossiju-i-kitaj-sblizil-parus-lermontova_83471 (дата обращения: 14.02.2020).
- 19 Сухов В. А. Образ паруса в творчестве М. Ю. Лермонтова и С. А. Есенина (К проблеме развития лермонтовских традиций) // Современное есениноведение. 2008. № 8. С. 131–136.

© 2022. Irina S. Yukhnova
Nizhny Novgorod, Russia

© 2022. Sergey N. Pyatkin
Arzamas, Russia

LERMONTOV'S POEM "THE SAIL" IN THE RUSSIAN CULTURE

Abstract: Lermontov's poem "The sail" refers to the emblematic texts of Russian culture and is highly recognizable. The image created by Lermontov was always perceived as a capacious symbol, and his interpretations were determined by the "spirit" of the historical era. This characteristic of Lermontov's "The sail" determine the relevance of

the proposed research. The scientific novelty of the work pertains to systematization, analysis and conceptualization of the social and cultural receptions of the poet's poem in the national tradition. The paper presents the history of creation of the poem, draws attention to its biographical context and suggests versions of the poet's refusal to include "The sail" in the only lifetime collection of his works. The study also considers the first critical receptions of the "The sail", especially the position of V. G. Belinsky, who perceived Lermontov's poem as a typical youthful, student composition of the poet. Despite the fact "The sail" entered the curriculum of high schools, chrestomathies and got the status of a lyrical masterpiece in Lermontov's poetry and the canonical text of Russian culture. The authors believe that the consolidation of such status of "The sail" in a national cultural consciousness is due to the complex internal structure of the central image-symbol, in which the image plan and the meditative plan reveal the antinomy of the spiritual world of the personality. As the study shows while in the research practice "The sail" is most often interpreted as an expression of revolutionary, including Decembrist moods, in the scientific works of recent years, the poet's poem is included in the context of the Christian tradition. The paper summarizes and analyzes creative experience of the artistic representation of the Lermontov image-symbol in national poetry drawing on the works of K. Fofanov, S. Yesenin and V. Vysotsky. The authors argue that, with all the differences in readings and interpretations, Lermontov's "The sail" in the Russian cultural consciousness has become a symbol of impetuous and unstoppable movement, the desire of a self-worthy person for great changes in his own fate and the world around him. This semantic plan, which confirms the statement of the Chairman of the People's Republic of China, XI Jinping, characterizes the perception of Lermontov's poem by foreign readers, and the sail, as a symbolic image of Russian culture, is also relevant for another national tradition.

Keywords: Lermontov, "The sail", "Lonely white The sail", Russian Culture, Canonical Text, Tradition, Reception.

Information about the authors:

Irina S. Yukhnova — DSc in Philology, Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Gagarin Ave., 23, 603950 Nizhny Novgorod, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2835-3070>

E-mail: yukhnova@yandex.ru

Sergey N. Pyatkin — DSc in Philology, Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Arzamas Branch), Karl Marx St., 36, 607220 Arzamas, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8659-7543>

E-mail: nikolas_pyat@mail.ru

Received: April 07, 2020

Approved after reviewing: June 10, 2020

Date of publication: September 28, 2022

For citation: Yukhnova S. N., Pyatkin S. N. Lermontov's Poem "The Sail" in the Russian Culture. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 65, pp. 158–168. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-158-168>

REFERENCES

- 1 Belinskii V. G. Stikhotvoreniia M. Lermontova [Poems by M. Lermontov]. In: Belinskii V. G. *M. Iu. Lermontov: Stat'i i retsenzii* [M. Lermontov: Papers and Reviews]. Leningrad, OGIZ: GIKhL Publ., 1941, pp. 211–214. (In Russian)

- 2 Bitiugova I. A. Nekrasov. *Lermontovskaia entsiklopediia* [Encyclopedia about M. Lermontov]. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1981, pp. 338–339. (In Russian)
- 3 Vatsuro V. E. Lermontov. *Istoriia vseмирnoi literatury: v 9 t.* [History of the World Literature: in 9 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1989, vol. 6, pp. 360–369. (In Russian)
- 4 Golovanova T. P., Lapkina G. A., Mikhailova A. N. Primechaniia [Notes]. In: Lermontov M. Iu. *Sochineniia: v 6 t.* [Works: in 6 vols.] Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR, 1954, vol. 1, pp. 323–324. (In Russian)
- 5 Zhuravleva A. I., Turbin V. N. *Tvorchestvo M. Iu. Lermontova* [Creativity of M. Yu. Lermontov]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 1967. 44 p. (In Russian)
- 6 Kiseleva I. A. Printsip i smysl obratnoi perspektivy v stikhotvorenii M. Iu. Lermontova “Parus” (1832) [The Principle and Meaning of Reverse Perspective in the Lermontov’s Poem “The sail”]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta, Series: Russkaia filologiia* [Russian Philology], 2016, no 4, pp. 120–126. (In Russian)
- 7 Kiseleva I. A. Stikhotvorenie M. Iu. Lermontova “Parus”: poeziia dukhovnoi perspektivy [Lermontov’s Poem “The Sail”: the Poetry of Spiritual Perspective]. *Literaturovedcheskii zhurnal*, 2005, no 20, pp. 40–48. (In Russian)
- 8 Kovaleva T. V., Mishina M. Iu. Stikhotvorenie M. Iu. Lermontova “Parus” i interpretatsiia ego motivov v lirike K. M. Fofanova [Lermontov’s Poem “The sail” and its Interpretation in Lyrics of K. M. Fofanov]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Series: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Humanities and Social Sciences], 2012, no 4 (48), pp. 184–191. (In Russian)
- 9 Konchukov E. *Priblizhenie k Vysotskomu* [The Approach to Vysotsky]. Moscow, Kul'tura Publ., 1997. 368 p. (In Russian)
- 10 Krylov A. E., Kulagin A. V. *Vysotskii kak entsiklopediia sovetskoi zhizni: Kommentarii k pesniam poeta* [Vysotsky as an Encyclopedia of Soviet Life: Commentary on the Poet’s Songs]. 2nd ed., corr. and. Moscow, Bulat Publ., 2010. 384 p. (In Russian)
- 11 Lermontov M. Iu. *Sobranie sochinenii: v 4 t.* [Collected works: in 4 vols.]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1958. Vol. 1. 1958. 755 p. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1959. Vol. 4. 826 p. (In Russian)
- 12 Marantsman V. G., Girshman M. M. “Parus” [“The sail”]. In: *Lermontovskaia entsiklopediia* [Encyclopedia about M. Lermontov]. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1981, pp. 366–367. (In Russian)
- 13 Markovich V. M. Stikhotvorenie M. Iu. Lermontova “Parus” [Lermontov’s Poem “The sail”]. In: *Analiz odnogo stikhotvoreniia* [The Analysis of One Poem]. Leningrad, Pushkin Leningrad State University Publ., 1985, pp. 122–132. (In Russian)
- 14 Meier G. A. Fatalist (K 150-letiiu so dnia rozhdeniia M. Iu. Lermontova) [Fatalist (On the 150th Anniversary of the Birth of M. Yu. Lermontov)]. In: *M. Iu. Lermontov: pro et contra* [M. Yu. Lermontov: pro et contra]. St. Petersburg, Russkii khristianskii gumanitarnyi institut Publ., 2002, pp. 884–899. (In Russian)
- 15 Mikhailova E. N. Ideia lichnosti u Lermontova i osobennosti ee khudozhestvennogo voploshcheniia [Lermontov’s Idea of Personality and Features of its Artistic Embodiment]. In: *Zhizn' i tvorchestvo M. Iu. Lermontova: Issledovaniia i materialy: sbornik pervyi* [The Life and Work of M. Yu. Lermontov: Research and Papers: The First Collection]. Moscow, OGIZ; GIKhL Publ., 1941, pp. 125–162. (In Russian)

- 16 Naidich E. E. M. Lermontov. Parus [M. Lermontov. The Sail]. In: *Poeticheskii stroi russkoi liriki* [Poetic System of Russian Lyrics]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 122–134. (In Russian)
- 17 Perepelkin M. A. Formula “bespokoistva”. Struktura “besfabul'noi” pesni V. Vysotskogo “Parus” [The Formula of “Anxiety”. The Structure of the “Plotless” Song of V. Vysotsky “The Sail”]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2007, no 5/2 (55), pp. 30–37. (In Russian)
- 18 Poeziia bol'shoi politiki: Rossiia i Kitai sblizil “Parus” Lermontova [The Poetry of Big Politics: Lermontov's “The Sail” Brought Russia and China Closer]. In: *Tsargrad*. Available at: https://nn.tsargrad.tv/news/politika-bolshoj-pojezii-rossiju-i-kitaj-sblizil-parus-lermontova_83471 (accessed 14 February 2020). (In Russian)
- 19 Sukhov V. A. Obraz parusa v tvorchestve M. Iu. Lermontova i S. A. Esenina (K probleme razvitiia lermontovskikh traditsii) [The Image of a Sail in the Works of M. Yu. Lermontov and S. A. Yesenin (On the Issue of Development of Lermontov's Tradition)]. *Sovremennoe eseninovedenie*, 2008, no 8, pp. 131–136. (In Russian)